

«ШАГАНЭ ты моя, Шаганэ!». Эти стихи Сергея Есенина хорошо знакомы любителям поэзии. Как они родились, кто была та, что вдохновила поэта?

...Зимой 1924 года Сергей Александрович Есенин был в Батуми. Пленительная красота юга, море, новые люди, восторженные поклонники его таланта — все это создавало атмосферу творческого подъема. Работал он в это время неистово. Написал цикл стихов «Персидские мотивы», «Балладу о двадцати шести», более шестидесяти лирических стихотворений...

Там, в Батуми, он встретил юную учительницу армянку по имени Шагандухт, или ласкательно, сокращенно Шага.

Прошли годы. Шагандухт Нерсесовна переехала в Ереван. Здесь она и прожила до конца своих дней.

Я несколько раз встречался при жизни с Шагандухт Нерсесовной, но наиболее яркой, конечно же, была первая встреча.

...Шагандухт Нерсесовне в ту ереванскую осень было

«Шаганэ ты моя, Шаганэ!»

более шестидесяти пяти, она уже бабушка, но годы, видно, не властны над истинной красотой. У нее пышные волосы, живые, полные любопытства глаза. И рассказ ее о встречах и беседах с поэтом был полон жизни.

— В октябре 1924 года из Тбилиси я приехала в Батуми, к младшей сестре Кате, учительнице армянской школы. Начала работать в той же школе. Мы с сестрой снимали одну комнату. Нашей соседкой была Елизавета Васильевна Иоффе, которая была знакома с местным журналистом Повицким. Мы часто собирались вместе, нередко бывал и Повицкий.

Как-то я вышла из школы и направилась домой. На углу заметила молодого человека, стройного, русоволосого, в мягкой шляпе. Бросалась в глаза его необычная внешность, и я подумала, что он приезжий из столицы. Это был Есенин. Об этом я узна-

ла в тот же вечер, когда мы пошли к Елизавете Васильевне. Там был и Повицкий со своим приезжим другом.

На следующий день Есенин и Повицкий снова зашли к нам и предложили принять участие в литературном вечере на квартире у Повицкого, в которой жил и Есенин.

В комнате за накрытым столом сидели Могилевский, работавший в редакции батумской газеты, и другие гости. Я оказалась напротив Есенина. В тот вечер я внимательно в него всмотрелась. Одевался он хорошо: добротный костюм, белая шелковая сорочка, галстук. Был он идеально сложен. Не скажу, чтобы лицо его казалось красивым, но было весьма привлекательным. Овал лица чуть продолговатый, волосы пышные, глаза бледно-вазильковые. Хорош он был, когда смеялся: глаза стано-

вились по-детски веселыми, почти озорными. Есенина попросили прочесть стихи. Он встал, подошел к моему стулу и начал читать «Заметался пожар голубой...».

Читал Сергей Александрович необыкновенно задушевно. Словно бы брал вас за руку и вел по просторам родной голубой Руси.

На следующий день, выходя из школы, я снова увидела Сергея Александровича. Было пасмурно, на море начинался шторм. Мы поздоровались, и Есенин предложил пройтись по бульвару. Тогда он впервые и прочитал мне стихотворение «Шаганэ ты моя, Шаганэ!»... Кончил читать и тут же подарил мне стихотворение. Под ним стояла подпись: «С. Есенин».

— А эту вот книжечку Сергей Александрович подарил мне в другой раз. Вот и надпись, сделанная его рукой. Читайте, — и она протя-

нула мне тоненькую книжечку стихов Сергея Есенина, изданную в Ленинграде в 1924 году. На обратной стороне обложки надпись, сделанная карандашом рукою поэта «Дорогая моя Шаганэ, Вы приятны и милы мне. С. Есенин. 4.I.25 г. город Батум».

Когда Сергей Александрович дарил книжечку, то сказал: «Шага, это мой последний экземпляр!...» Вместе с книжечкой он принес и фотографию, на которой на берегу моря были запечатлены Есенин, Повицкий и еще двое незнакомых мне мужчин. На обороте стихотворения: «Ты сказала, что Саади...» Над стихотворением стояло «Милой Шаганэ», а под стихотворением подпись: «С. Есенин».

— Шага, Шаганэ?

— Еще с детства домашние так звали меня. Так это имя и стало известно Есенину.

У нас повелось так: когда я выходила из школы, Сергей Александрович поджидал меня, и мы шли на бульвар. Там, прогуливаясь, он читал свои стихи. Память у него была очень хорошая, и все свои стихи он знал наизусть. Нередко во время таких прогулок Есенин впадал в задумчивость: подолгу смотрел на море, любил наблюдать за-кат.

И вообще все было необыкновенно: море, пальмы. Помню, однажды, в конце декабря, в Батуми пошел снег — явление довольно редкое здесь. На второй день Есенин приехал к нам на санях оживленный, веселый, и мы отправились кататься по Махинджаурской дороге. Мы впервые ехали на санях, и, наверно, Есенин хотел показать нам, мне и сестре, всю прелесть этой езды. На полдороге он, извинившись, пересел на козлы: гнал коня,

смеялся, веселясь, как ребенок.

— Шаганэ Нерсесовна, вероятно, Есенин интересовался также Арменией, армянской литературой?

— Конечно, даже очень интересовался. У нас была «Антология армянской литературы», и Сергей Александрович любил читать ее. Особенно живой интерес он проявлял к Чаренцу и радовался, когда узнал, что тот скоро будет в Батуми. Нам всем очень хотелось видеть встречу двух больших и таких разных поэтов.

Есенин ждал приезда Чаренца с нетерпением, однако Чаренц приехал позже.

Сергей Александрович живо интересовался не только литературой, но также историей и культурой армянского народа. Просил давать читать ему все про Армению и армян, переведенное на русский язык.

Есенин относился ко мне нежно, ласково, как-то особенно бережно и целомудренно, что ли. Обращался со мною, как с ребенком, и всегда называл меня «дорогая моя Шага» или «милая моя Шаганэ». Я дорожила чистым чувством большого поэта и обаятельного человека, боялась утратить его внимание, оттолкнуть не тем словом, не тем движением.

Вечером, накануне отъезда, Сергей Александрович зашел к нам и объявил, что уезжает. Взял на память мою фотографию, причем он сам ее выбрал из числа других. Это снимок 1919 года. Я снята в гимназической форме. На обороте карточки я сделала надпись. Есенин сказал, что напечатает «Персидские мотивы» и поместит фотографию в книгу. Я попросила этого не делать, сказав, что его стихи прекрасны и моя карточка к ним ничего не прибавит.

Есенин есть и до конца дней будет светлым воспоминанием моей жизни...

Грант БАГРАЗЯН.
ЕРЕВАН.